

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную Русскую Почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Подписка принимается во всех почтовых отделениях по месту жительства. Плата за подписку — 12 руб. в месяц. Объявления о розысках газетой теперь не принимаются. Следует обращаться в Центральную Русскую Почту. Адрес: F. P. Nr. 39609 Ru.

«Освободители»

С. Климушин

Привычка большевиков к филярству, к красивым словам и театральным жестам стала уже их второй натурой, и, очевидно, умрет вместе с ними. Даже тогда, когда дело ясно малому ребенку, — они не могут обойтись без того, чтобы лишний раз не пустить пыль в глаза, не поиграть в «благородство», не выставить себя рыцарями, ведущими «священную, освободительную борьбу за угнетенных всех стран».

Там, у себя внутри, сталинская пропаганда делает все, чтобы разжечь в красноармейцах чисто звериную злобу, призывая к поголовному истреблению «выродков человечества-фашистов», не исключая и стариков, и женщин, и детей, но в обращениях к Европе, в воззваниях, адресованных на эту сторону фронта, большевики опять и опять пытаются выставить себя «освободителями», готовыми принести любые жертвы во имя процветания европейских стран и, особенно, «малых народностей» Прибалтики. Смехотворность таких уверений ничуть не смущает большевиков. Очевидно, они действуют в расчете на то, что из сотни умных людей все-таки найдется один дурак, который поверит этим обещаниям и поможет «освободительной армии» каким-нибудь путем саботажа или диверсии.

Характерно, что во всех этих обращениях сталинская пропаганда ни словом не заикается о нас, русских людях, сознательно порвавших с «советским раем» и тем самым включивших себя в ряды борцов против большевизма. Казалось бы, уж кого в первую очередь призвана освободить Красная армия, как не бывших советских людей, уведенных «насильно» немцами и сейчас страдающих «под вражеским игом». Казалось бы, на кого в первую очередь, может рассчитывать Красная армия, как не на своих же братьев по крови, находящихся в тылу у врага. И, однако, об этих людях Сталин молчит.

Иногда молчание бывает красноречивее всяких слов. В данном случае, самый факт, что сталинская пропаганда обходит стороной судьбу миллионов русских людей, отступивших вместе с германской армией, говорит о многом.

Конечно, нет оснований скрывать, что и среди нас найдется некоторое число людей, способных еще раз поддаться на удочку «отца народов». Пример ленинградского инженера В. К. Денисова, оставшегося встретить большевиков и ими повешенного, показывает, что не все еще из нас поняли, как неуместна доверчивость там, где должна говорить пуля. И все-таки, даже сталинская пропаганда не находит слов к бывшим «своим» людям и вместо слов старается заставить побольше веревки. Что ж. Мы то знаем, с кем имеем дело.

Не для того мы три года назад переходили фронт, чтобы теперь «держаться ответ» перед органами НКВД. Не для того мы соединили свою судьбу с судьбой германского народа, чтобы вновь оказаться под сталинским сапогом. Не для того все эти три года мы вели и делом и словом антибольшевистскую борьбу, чтобы теперь бить себя в грудь и в припадке раскаяния проливать слезу, как делали это «лидеры оппозиции» на московских процессах в постановке ОГПУ. Нашего раскаяния Сталин не дождался бы, наших слез не увидел бы никогда. Мы твердо знаем, что война — не увеселительная прогулка, что в той гигантской борьбе, которую ведет Германия, как авангард Новой Европы, потребуются еще огромное напряжение сил для достижения окончательной победы, и все-таки мы верим в эту победу, мы работаем на нее и вправду смотрим с презрением на тех отщепенцев, которые заранее подыскивают слова, какие они стали бы говорить красным «освободителям».

С палачами из НКВД, где бы с ними ни встретились, разговор у нас может быть только один — свинцовый огонь!

Стойкая германская оборона на востоке

Во Львове противник отброшен назад. Между Двинском и Финским заливом полностью отбиты все атаки советских войск

Ставка Фюрера, 26 июля.

Верховное Командование Германских вооруженных сил сообщает:

В Нормандии, к югу от Каена, в ходе тяжелых боев противнику удалось ворваться в германское расположение к западу от дороги Каен - Фалез и подтянуть танковые и пехотные резервы. Однако, германские части воспрепятствовали расширению неприятельских вклинений и во второй половине дня перешли в контр-атаку. После ожесточенных боев, все временно утерянные позиции к вечеру снова были в германских руках. Потери неприятеля очень велики. Уничтожено 18 неприятельских танков.

Крупное сражение происходило также и к северо-западу от Сен-Ло. После того, как первые неприятельские атаки, сильно поддержанные авиацией и артиллерией, были отбиты, противнику удалось на некоторых участках вклиниться в германское расположение и пересечь в юго-западном направлении дорогу Сен-Ло — Перье, где продолжаются германские контратаки.

Сегодня, с раннего утра ожесточенные бои большой силы перекинулись в район к северу от Перье.

Германские штурмовые самолеты успешно атаковали неприятельские исходные позиции на десантном плацдарме и тяжело повредили у побережья большое транспортное судно противника. В воздушных боях сбито 11 неприятельских самолетов.

На территории южной Франции снова в боях уничтожено 110 диверсантов.

Район Лондона попрежнему находится под тяжелым огнем оружия «В 1».

В Италии началось большое наступление противника на район, лежащий к югу от Флоренции. Однако, добиться прорыва неприятелю не удалось. Только после тяжелых боев, с весьма большими потерями, неприятелю удалось овладеть незначительной территорией. Дальнейшие атаки противника на новые германские позиции были отбиты. Севернее Арцецо и по обеим сторонам реки Тибр неприятельские атаки остались безуспешными, а местные вклинения были преграждены. На Адриатическом побережье возобновились неприятельские атаки. Ожесточенные бои еще продолжаются.

У западного побережья Италии боевые баркасы германского военно-морского флота нанесли повреждения двум английским быстроходным катерам.

В Эгейском море, при неприятельском налете на караван германских судов, охраняемых судами германского военно-морского флота, бортовыми орудиями грузовых судов и самолетами — истребителями, из пятнадцати атакованных неприятельских бомбардировщиков сбито семь.

На восточном фронте в районе Галиции между верхним Днестром и Львовом многочисленные атаки советских частей, поддерживаемые соединениями

танков окончились неудачей. Неприятель понес большие потери в людях. В городских кварталах Львова неприятель был отброшен контр-атакой германских частей.

От 14 до 23 июля на участке фронта одной из германских армий было уничтожено 553 неприятельских танка.

Между верхним Бугом и Вислой противник продвинулся вперед в районе реки Сан и Люблина. Однако, юго-восточнее Люблина все неприятельские атаки были отбиты.

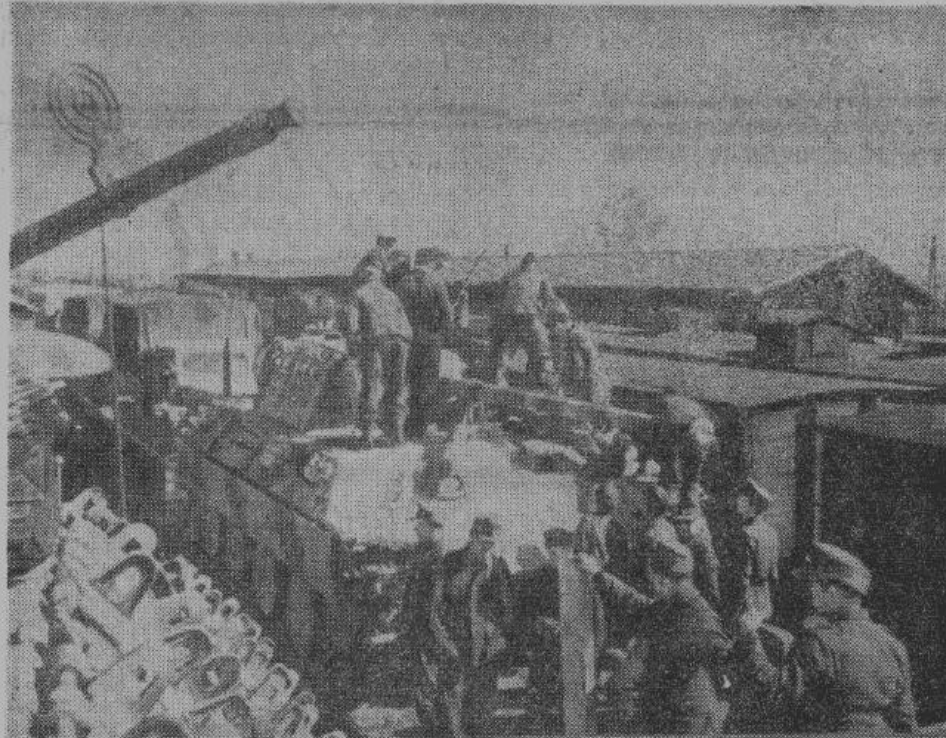
Между Брест-Литовском и Гродно, а также к востоку и северо-востоку от Ковно неприятельские попытки прорыва разбиты о стойкое сопротивление германских дивизий.

Между Двинском и Финским заливом германские части также добились полного успеха обороны против наступающих советских частей, причем уничтожено 47 неприятельских танков.

Англо-американские бомбардировщики атаковали населенные пункты западной и юго-восточной Германии. В Штутгарте при повторном террористическом налете произведены разрушения и имеются человеческие жертвы.

Одиночные неприятельские самолеты сбросили бомбы в районе Берлина и населенных мест Восточной Пруссии.

Германской противовоздушной обороной сбит 51 неприятельский самолет.

Поезда с германским оружием непрерывной вереницей двигаются на фронт.

Германская авиация — гроза Красной армии

Неустанная деятельность немецких эскадрилий на востоке

Германские воздушные силы не имели в последние месяцы на восточном фронте ни минуты отдыха. Даже в периоды боевого затишья, предшествовавшего советскому летнему наступлению, эти воздушные силы находились в беспрестанном действии и

всячески мешали противнику в его подготовке к наступлению. Когда же это наступление началось, германским бомбардировщикам, штурмовым самолетам и истребителям работы еще прибавилось. И днем и ночью стартовали многие сотни самолетов на среднем и северном участках восточного фронта, чтобы бомбардировать скопления советских войск, их склады, базы, аэродромы и пути сообщения. Боевой дух немецких летчиков, их блестящая подготовка и высокое качество самолетов, — все это проявилось в полной мере на всех фронтах, и в частности, в дни советского летнего наступления.

Вот, например, блестящие результаты деятельности одной германской воздушной эскадрильи, находящейся на восточном фронте и действующей в районе Борисова, Минска, Столбцов. Истребители и зенитные батареи этой эскадрильи сбили за последние месяцы 35 вражеских самолетов, уничтожили 187 танков, 153 орудия и около 1500 моторизованных средств передвижения. Эти цифры, которые далеко не являются исчерпывающими, дают представление о тех огромных материальных потерях, которые понесли советские части в результате бомбардировки, совершенной немецкими воздушными силами. Потери в людях пока не поддаются учету, но они должны быть, безусловно, весьма велики.

Не меньшими успехами может похвалиться германская авиация, действующая и в других районах, как, например, в районе Полоцка, Слуцка и Минска. В первые дни июля германские самолеты бомбардировали занятые неприятелем города Минск, Слуцк и вокзалы в Кричеве, Рокитно, Олевске и Белокоровичах, находящиеся на магистрали Коростень — Сарны, а также другие объекты. Эта бомбардировка не только нанесла большой ущерб путям сообщения советского тыла, но подожгла и уничтожила большое количество товарных поездов и складов со снарядами и другими боеприпасами.

Действие германской авиации не ограничивалось в последнее время восточным фронтом. На Карельском перешейке германские бомбардировочные и истребительные соединения также наносили врагу тяжелые удары, сбивая сотни вражеских самолетов. Кроме того, немецкие самолеты произвели сильные разрушения железнодорожных узлов, мостов и аэродромов.

Таким образом, несмотря на англо-американские прогнозы относительно ослабления германской авиации, последняя остается попрежнему одним из наиболее значительных козырей германской армии и представляет для врага серьезную угрозу.

тия, с целью освободить для армии и военной промышленности максимум сил, путем рационального использования людей и технических средств, а также ограничения работ, менее важных в военном отношении, предприятий или закрытия некоторых из них.

Уполномоченный имеет право с этой целью требовать от верховных германских учреждений справки и давать им указания.

Правовые предписания и основные указания властям, издающиеся уполномоченными на то германскими верховными учреждениями, подлежат согласованию с рейхсминистром и шефом государственной канцелярии, руководителем партийной канцелярии и генеральным уполномоченным государственного Управления.

2. Руководитель партийной канцелярии будет действительно поддерживать, на основании данных ему полномочий, проведение вышеуказанных мероприятий.

На основании этого приказа, Фюрер, по предложению председателя Совета Министров Обороны Великогермании, рейхсмаршала Германа Геринга, назначил Государственным Уполномоченным по тотальному участию в войне рейхсминистра, д-ра Геббельса.

Муссолини у своих солдат

Во время своего пребывания в Германии, Муссолини обратился с речью к солдатам дивизии «Монте Роза», которая первой будет отправлена на фронт в Италию.

Муссолини сказал:

«Вы встретите лишь немногих европейцев; против вас преимущественно будут стоять народы Африки, Азии и Америки или же безидейные наемники».

Дуче назвал дивизию «Монте Роза» краеугольным камнем нового здания итальянской армии.

«Живя среди великого союзного немецкого народа, — продолжал Дуче, — вы могли убедиться в том, что он заслуживает победы не только вследствие могущества своего оружия, но в особенности потому, благодаря дисциплине, воодушевлению и непревзойденной своей жертвенности».

Посетив дивизию «Италия», «Сан Марко» и «Витторлио», Муссолини выразил свое удовлетворение боевым и моральным состоянием этих частей.

Телеграмма генерал-фельдмаршала Моделя — Фюреру

Генерал-фельдмаршал Модель от имени всех воинов восточного фронта послал Фюреру следующую телеграмму:

«Мы все благодарим Всемогущего за то, что он сохранил Вас, а вместе с тем и Германию от страшного несчастья. Это еще раз подтверждает справедливость нашего дела. Одновременно с нашими лучшими пожеланиями Вам мы выражаем твердую уверенность в конечном успехе и заверяем Вас в нашей готовности бороться до победы».

Молебен по поводу спасения Фюрера

В мадридской церкви Сан-Хозе состоялся благодарственный молебен по поводу спасения Фюрера. На молебне присутствовали бывшие солдаты восточного фронта, много офицеров и других представителей испанской армии и Фаланги.

„Величайшая военная тайна“

Стокгольм, 25 июля

По последним сообщениям, полученным из Лондона, англичане бросили на борьбу против «В 1» свыше семисот бомбардировщиков и двух тысяч истребителей. Вместе с резервными, предназначенными исключительно для этой цели, в Англии связан воздушный флот из трех тысяч самолетов, обслуживаемых десятками тысячами человек летного состава и ста тысячами наземных вспомогательных войск. Из северных районов Англии на юг оттянуты сотни зенитных батарей. Однако, несмотря на все усилия, англичанам до сих пор не удалось овладеть ни одним цельным «В 1».

Все дипломатические представители эвакуированы из Лондона в менее опасные места. Действительное число жертв оружия «В 1» рассматривается английским правительством, как «величайшая военная тайна». В общественных кругах Англии видят теперь лишь одну возможность справиться с «В 1», а именно, как можно скорее закончить войну, пока немцам не удастся переключить всю войну на совершенно новые основы.

Особенно сильная тревога царит в силу того, что обстрел «В 1» возможен также и осенью, в сырую туманную погоду. Один из видных английских военных врачей заявил, что в этом случае Англию постигла бы катастрофа, так как английский народ не сможет выдержать такого тяжелого испытания.

Механики германской авиации снимают со сбитого советского самолета боеприпасы, оружие, фотоаппарат, радиоперелатчик и ценные аэронавигационные приборы.

Японская политика неизменна

Токио, 25 июля

Референт японского министерства иностранных дел Оказак на конференции печати в Токио указал, что линия японской внешней политики, а в частности политика Японии в восточно-азиатском пространстве остается без изменений. В новом японском кабинете генерала Коизо министром иностранных дел вновь назначен Шигемитсу. Более того, Шигемитсу принял в свои руки все управление делами великого восточно-азиатского пространства.

Заседание нового японского правительства

В императорском дворце состоялось первое заседание нового японского правительства. Министр-президент генерал Коизо выступил с речью, обрисовав обстоятельства, сопутствовавшие созданию нового кабинета.

Обсудив подлежащую обнародованию декларацию нового министра внутренних дел, кабинет перешел к вопросам организационного характера, после чего заседание было закрыто.

Борьба за Ближний Восток

Англия в роли „объединителя арабов“

Из Анкары получены сведения, что египетский премьер-министр Нагаша пригласил представителей арабских государств Ирака, Сирии, Ливана, Трансиордании, Йемена и Аравии-Саудии на конференцию, где должны обсуждаться вопросы, касающиеся объединения арабских государств.

В связи с этим в арабских политических кругах господствует убеждение, что инициатива египетского премьер-министра последовала под давлением Британии, которая стремится теперь всемерно поддерживать пан-арабское движение в противовес американской политике на Ближнем Востоке.

В последнее время арабские государственные деятели не раз выражали недовольство политикой Лондона, который совместно с Вашингтоном держал исключительно еврейскую сторону и заботился только об еврейских интересах в Палестине и других арабских странах. Понятно, что такая политика вызвала рост антианглийских настроений среди арабских народов, обвиняющих англичан в чрезмерных симпатиях по отношению к евреям и в полном пренебрежении к арабским интересам и нуждам.

ЗАЛПЫ ПО ЛОНДОНУ

Как работают отправные пункты снарядов „В 1“

Где-то во Франции глубоко под землей расположены бункера, из которых посылаются в Англию «снаряды-роботы» оружия возмездия № 1. Солдаты и офицеры, работающие у «В 1» — выдающиеся артиллеристы, хорошие специалисты воздушной техники, вполне изучившие проблему полета. Среди них, однако, не мало молодых офицеров.

Стены бункера покрыты таблицами и картами огромных размеров, показывающими Лондон со всеми его пригородами, железными дорогами, промышленными сооружениями, подземными дорогами и всеми важными в военном и хозяйственном отношениях предприятиями.

На стене развешено также расписание деятельности отдельных батарей. Можно прочесть: «Залп 19 часов 01 минута... залп 19 часов 40 минут... залп 20 часов 54 минуты» и так далее. Из этой таблицы видно, что населению Лондона был дан двухчасовой перерыв, после чего последовал сильный залп. Затем, через тридцать девять минут следующий, через час еще один и еще один через пятнадцать минут.

Идем дальше в монтажное отделение, находящееся глубоко под землей. Начальник смотрит на часы: через две минуты в полет отправится «Паула 3». Последнее приготовление, какие то небольшие уточнения в таинственном механизме, и громадный взрывчатый снаряд отправляется на ту сторону канала. За ним еще и еще длинная очередь этих снарядов приготовлена для следующих выстрелов. Непрерывно один за другим устремляются они вдаль. Солдаты «В 1» работают без устали. С того момента, как поздно вечером 15-го июня первый снаряд «В 1» вылетел по направлению к Лондону, у солдат было очень мало времени для сна. Они работают с неопишым воодушевлением и усердием. Послушаем, что говорит унтер-офицер, сидящий за контролем и расчетами, сорокапятилетний берлинский мастер с Вединга:

«Самым тяжелым для нас было ожидание. Мы знали свое оружие и доверяли ему и нам очень хотелось скорее начать стрельбу. Каждый из нас имеет личные счета с англичанами. Я потерял не только свою квар-

тиру, моя жена и трое маленьких детей год назад были убиты английскими бомбами. Наконец наступило 15-ое июня. Мы были как в лихорадке. Когда наша «Паула» в первый раз вылетела по направлению к Лондону, все мы выбежали наверх и долго провожали ее полет глазами.

У нас едва находится время писать письма. Едим мы тут же в бункерах, и время от времени, ложимся на полчаса отдохнуть возле нашей «Паулины». Мы все охвачены таким порывом, что никто не хочет прекращать стрельбу. Ну, да прекратим мы ее теперь не скоро!»

Непрерывная работа требует большого напряжения, но солдаты не думают об этом. У них началось своеобразное соревнование, кто больше выпустит снарядов.

В углу комнаты стоит ящик с мелом. Перед выпуском снарядов многие солдаты делают на них наскоро надписи мелом: «Месть за Бохум», «Месть за Франкфурт», «Привет из Берлина», «Паула» мстит за Вильмерсдорфскую улицу в Шарлотенбурге и так далее.

Так идет работа в подземных отправных сооружениях «В 1». И, кажется, англичане теперь не столь глухи к языку «В 1», сколь глухи были они к призывам благоразумия и человечности, с которыми к ним не раз обращались до войны и в начале ее.

Что посеял, то и жнет

— Не морщитесь, сэр Черчилль! Мы угощаем вас только тем, что вы сами заваривали...

По следам „освободителей“

Женева, 25 июля

Корреспондент английской газеты «Дейли Экспресс» описывает свои впечатления в городе Каен.

Весь город, по его словам, теперь освобожден. Однако, невольно возникает вопрос: что, собственно, освобождено? Все рабочие и торговые кварталы города, после англо-американских воздушных бомбардировок, представляют собой лишь «кладбище нормальной жизни». Бомбы настолько изуродовали город, что Каен теперь неузнаваем.

Такова картина не только в Каене, но и в любом населенном пункте, через который прошли англо-амери-

ется закладка фундамента для будущей арабской федерации.

Вряд ли подобная конференция сможет привести к благоприятным результатам. Но эти результаты как раз и не интересуют англичан. Им необходимо только продемонстрировать свое «беспристрастное» и даже «благожелательное» отношение к арабскому миру, в противовес политике Рузвельтовского Вашингтона.

канские войска. Исторических реликвий найти теперь вообще невозможно, почти все памятники культуры совершенно уничтожены.

Американские оккупационные власти в Шербурге наложили арест на банковские вклады и сбережения французских граждан. Только в особо важных случаях с разрешения американских властей вкладчикам выдаются на руки до двадцати процентов их вклада.

Это распоряжение вызвало среди французского населения сильное недовольство.

Германия обеспечена продовольствием

Берлин, 26 июля

Германский министр земледелия и продовольствия Баке сделал доклад о продовольственном положении Германии. В своем докладе министр сказал, что «в конце пятого года войны продовольственное положение в Германии хорошее и не может быть и речи о продовольственном кризисе в Германии в будущем году».

Испания чтит память своих борцов против большевизма

Мадрид, 25 июля

По всей Испании состоялись торжественные акты, посвященные памяти погибших борцов против большевизма.

В городе Вальядолиде, где зародилось движение фалангистов, состоялось массовое собрание, посвященное памяти основателя крестьянского национального движения Квезимо Редондо, заколотого большевиками в 1936 году ударом кинжала в спину.

В Барселоне состоялась чествование защитников Альказара.

В советском тылу

Во время пересмотра книжных фондов Свердловской области, в библиотеках городов и поселков изъято около четырех тысяч томов произведений классиков марксизма-ленинизма. Причиной изъятия были критические заметки читателей на полях книг. Наибольшее количество таких примечаний было в книге Сталина «Вопросы Ленинизма».

На саратовском заводе «Трактордеталь» организовано восемь, так называемых, пионерско-молодежных бригад. В состав этих бригад вошли учащиеся начальных и средних школ города, насильственно мобилизованные для работы на заводе во время школьных каникул. Руководители завода предъявляют к малолетним жертвам стахановской категории такие же требования, как и ко взрослым рабочим. Пионеры используют на самых тяжелых и вредных для детского организма работах. Попытки родителей протестовать против зверской эксплуатации детворы успеха не имели.

Со всего света

Амстердам. — По сообщению из Лондона, сын бывшего американского президента Теодора Рузвельта, генерал Теда Рузвельт погиб на фронте вторжения.

Токио. — Новый французский посол в Японии Анри Комнэ вручил на аудиенции Тенио свои верительные грамоты.

— Японские самолеты отразили англо-американскую воздушную атаку на остров Яп. Из двадцати четырех нападавших бомбардировщиков в воздушных боях тяжело повреждено восемнадцать.

— Чунцинское правительство постановило уволить в провинциях Хуней и Хонан целый ряд ответственных чиновников, не проявивших достаточного усердия при защите этих провинций от японских войск.

(Продолжение 45-ое)

В ответ на это, по меньшей мере, неуместное замечание представителя обвинения, поднялась Ольга и, пользуясь правом подсудимого давать объяснения после каждого показания, рассказала просто, спокойно и убежденно — как, по ее мнению, совершенно было убийство. Вторично упомянула она о рукописи Менцера.

На вопрос председателя, почему она впервые заговорила об этой рукописи в зале суда, умолчала о ее существовании на предварительном следствии, Ольга спокойно ответила, что боялась признаться в том, что знала о ее существовании, опасаясь стать жертвой одной из тех «роковых случайностей», которые уже унесли в могилу двух свидетельниц по «масонскому делу», и чуть не унесли ее старого друга, директора Гроссе.

Прокурор обратился к Ольге с неожиданным вопросом:

— Допуская существование этой таинственной рукописи Менцера, я бы хотел знать, где же по мнению подсудимой, она находится теперь, а также, известно ли обвиняемой содержание этих записок или признаний?

Ольга ответила не сразу. Коварный вопрос смутил ее. Она не хотела лгать, а между тем, принуждена была скрывать правду ради простейшей осторожности, охраняя не только себя, но и директора Гроссе, в руках которого, очевидно, уже находилась страшная рукопись. Подумав минуту, она ответила:

— Я думаю, что масоны отыскали все, что им было нужно. Иначе к чему было бы перерывать всю кварти-

ру? Да, кроме того, помимо записок Менцера исчезли, благодаря все тем же «случайностям», целых восемь экземпляров сочинения убитого историка.

Напоминание о злключениях «Истории тайных обществ» вызвало движение в публике, помнившей историю этих восьми исчезновений.

XXVIII. Масонская отрава

Это случилось на четвертый день заседания, во время утреннего перерыва, когда масса публики устремила к буфету, выходящему на бесконечную галерею, служащую местом прогулок для зрителей, защитников, стенографов и журналистов. На эту галерею выходило десятка два дверей, в том числе и дверь комнаты подсудимых, охраняемая двумя жандармами.

В этот день Ольга проходила между жандармами через наполненную публикой галерею. Внезапно ей навстречу попалась быстро бегущая еврейка с громадной модной шляпой в руке. Очевидно, торопящаяся изысканно одетая молодая особа не заметила приближавшейся подсудимой и прямо натолкнулась на нее, причем одна из длинных шпилек, торчащих из поля модной шляпки, слегка оцарапала руку Ольги.

Виновица инцидента рассыпалась в извинениях, предлагая свой платок для перевязки раненой руки, на которой показалась капля крови. Но Ольга только плечами пожала при виде пустой царпины. Да и жандармы не позволили ей разговаривать.

Должны были допрашивать молодые офицеры, уживавшиеся вместе с принцем. Геминной и Ольгой в зооло-

гическом саду. Но не успел первый вызванный свидетель ответить на вопросы, как подсудимая неожиданно поднялась с места и странно изменившимся голосом обратилась к председателю с просьбой о немедленном вызове доктора Рауха, так как она чувствует себя плохо.

Сразу все взгляды обратились на Ольгу. Артистка стояла, опираясь правой рукой на деревянную решетку, окружающую скамью подсудимых, и крепко прижимая к груди левую руку, обмотанную носовым платком. Ее лицо покрылось зеленоватой бледностью, а неестественно расширенные

На другой день опасность заражения миновала.

зрачки блестели горячим огнем. С трудом ворочая воспаленными губами, Ольга договорила:

— Я прошу вызвать доктора Рауха потому, что считаю себя отравленной, господа судьи... Два часа назад какая-то женщина оцарапала мне руку шпилькой от шляпы, наскочив на меня в коридоре... На царпину я не обратила внимания... Но она так страш-

но заболела, что... я не могу больше терпеть... Посмотрите сами, господа судьи.

Лихорадочным движением Ольга развернула платок, кое-как обмотанный вокруг руки, и с видимым усилием, заставив от невыносимой боли, подняла левую руку правой.

Присяжные, судьи и публики в ужасе ахнули...

Рука страшно распухла, и приобрела синебагровый цвет, постепенно расплывающийся по обе стороны от почерневшей царпины, ясно видимой на самой середине ладони.

В публике раздались крики: — Отравы... Доктора... Скорей доктора... Это масонский яд...

Присяжные повставали с мест. Председатель громко звонил, стараясь восстановить спокойствие, но тщетно. Невобразимый сумбур продолжался несколько минут.

Разбор дела остановился... Публика видела еще, как мертвеннобледную, шатающуюся подсудимую почти вынесли из залы заседания в приемный покой, находящийся тут же, в здании суда.

За медленно запертыми дверями этой комнаты скрылись врач, больная и ее защитники...

Берлинские газеты, спешно разнесшие слухи о «столь же прискорбном, как и необычном случае» и об опасной болезни подсудимой, поспешили уверить публику в том, что разбирательство «масонского дела» остановлено надолго.

Тем сильнее было удивление публики, когда уже через сутки стало известно, что дело Ольги Бельской не откладывается, по просьбе самой обвиняемой, которая вынесла тяжелую операцию.

Начались споры о болезни и операции...

Посыпались газетные статьи и интервью; врачи подсудимой называли болезнь «искусной комедией, разграниченной в расчете на сострадание присяжных». Но тюремный врач уверенно говорил о попытке отравления.

Не скрывал доктор Раух и того, что до операции жизнь Ольги Бельской находилась в самой серьезной опасности и что три знаменитости медицинского мира решительно высказались за необходимость немедленной ампутации руки выше локтя. Но доктор Раух попытался сделать менее радикальную операцию: предварительно перетянув руку выше локтя, чтобы задержать распространение заражения крови, он сделал несколько глубоких разрезов в большой ладони для выпуска накопившегося в значительном количестве ядовитого гноя, а раны затем тщательно промыл особенно сильным дезинфекционным средством. Благодаря этим мерам распространение заражения крови было остановлено. К ночи температура у больной понизилась, а боли успокоились настолько, что она могла заснуть сравнительно спокойно. На другой день при повторной промывке глубоких разрезов на кисти руки стало ясно, что опасность миновала.

Удивительная энергия помогла Ольге Бельской явиться через три дня после происшествия на следующее заседание суда спокойной и твердой, как всегда. Правда, она была очень бледна и ее прекрасные синие глаза глубоко ввалились. Да и слабость была так заметна, что председатель предложил ей отвечать на вопросы не вставая. Но Ольга только поблагодарила суд за снисхождение.

Вид измученной, осунувшейся молодой женщины был так трогателен, что масоны стали открыто называть злодеями и убийцами.

На пятый день заседания окончилось судебное следствие. Выступил прокурор. И надо отдать ему справедливость, он справился со своей тяжелой задачей блестящим образом.

Его речь была образцом лукавого красноречия и недобросовестного искусства. Он так ловко использовал все данные обвинительного акта, что составил целую сеть улик, кажущихся неопровержимыми.

(Продолжение следует)

РАССКАЗЫВАЕТ
свидетель
БОЛЬШЕВИЗМА

ТЕХНИЧЕСКАЯ ОПЛОШНОСТЬ

...Его втокнули в общую камеру Шпалерки, переполненную до отказа подследственными «контриками». Все мы сидели по «первому разряду», требующему одиночного заключения, но тюрьма не была в состоянии вместить всего чекистского улова этих недель.

К новичку сочувственно подошли старики.

— Биби?
— Ответа не последовало. Но искривленная физиономия без слов свидетельствовала о четкости следственной техники.

— Да чего ж ты молчишь? Откуда? Кто?

Он долго не отвечал на вопросы. А во взгляде, тупом и неподвижном, мы ясно читали: «что мне с вами, контрреволюционной сволочью, разговаривать...»

— Пашка! Ты и со мной не говоришь? — подошел к новичку наш камерный «троцкист» — старый большевик — подпольщик, твердо до сих пор выносивший все пытки и истязания следствия и не подписавший ни одного протокола.

Новичок вдруг сразу обмяк и осел, как опара, прямо на заплыванный пол.

— Не может быть... — Я напишу Сталину... Я напишу Ягоде... Они не знают, что творят эти мерзавцы... Я — коммунист, коммунист с шестнадцатого года... Вышла маленькая техническая оплошность. Ничтожная ошибка в расчете... Я сразу же ее обнаружил... А этот мерзавец, этот мальчишка орал на меня, бил сапогами, топтал, требуя подписать протокол дознания, написанный безграмотно и бесстыдно... Это я-то вредитель? Это я-то шпион? Диверсант? А при аресте у меня сорвали ордена и знаки отличия... Пусть узнает Сталин... Я все и всех выведу на чистую воду...

Большинство хмуро улыбулось, махнуло рукой и отошло: обычная история. А помолже и позлее — расспрашивали и предсказывали.

История была, действительно, ординарной. Старый большевик, он был крупным военным инженером — изобретателем. При проектировании нового вида оружия, им был допущен ничтожный расчет. При испытании спешном и малоуспешном (ему не дали даже дня на пересмотр расчетов) — произошла катастрофа. Самого изобретателя ранило. Раненый, он все-таки не отошел от стола, проверил расчеты и выправил ошибку... Расчеты и чертежи немедленно забрали, а его столь же незамедлительно арестовали...

— Ну, припаяю 58-6, 9, 11, — шутила молодежь...

— Дай Бог, не расстрел. Авось «катушкой» (десять лет заключения) отделаешься...

Коммунист — изобретатель не верил. Не верил он и своему другу — «троцкисту», которого за эти две недели раз восемь приносили в камеру в состоянии, напоминающем сырую котлету.

Не верил, ибо мы все были для него «контриками», антисоветским элементом или свихнувшимися с генеральной линии партии.

Но все наши предсказания — о характере обвинительного заключения, о дальнейшем ходе следствия, о его методах, о судьбе «письма к Сталину» — неукоснительно исполнялись.

Следователь помогал нам выбивать коммунистическую дурь из его головы.

К сожалению, напрасно. Уже в лагере мы узнали о расстреле изобретателя. А его оружие, говорят, сейчас применяется на войне...

А. Борисов.

Без энтузиазма

Делается это, например, так: в один прекрасный день соответствующие московские партийные инстанции дают почувствовать партийному начальству одной из областей, что именно ему выпала высокая честь поднять и возглавить великое всенародное движение по сбору средств, допустим, в особый фонд Красной армии.

Это главное. Дальше все идет, как по маслу. Как при выпуске любого очередного займа, проведении любой очередной кампании. В облпартком вызывается секретарь самого надежного райкома партии и уже без намеков, а самым прозаическим образом даются ему соответствующие указания.

Дальше дело идет совсем просто. Даже рассказывать скучно. Ну, собирает он партийцев. Ну, говорит им соответствующую «речу» и через два-три дня, обуреваемые патриотической лихорадкой, колхозники начинают сбор средств в общий фонд. В этот же день «Правда» и все областные и районные газеты начинают трубить о замечательном почине каких-нибудь там тамбовских колхозников: «колхозники всей душой стоят за советскую родину!» Они собирают и отдают в фонд Красной армии сельскохозяйственные продукты, а рабочие повышают производительность труда! Советский народ не щадит ни сил, ни средств, чтобы усилить военную мощь родины! Все отдают, как некогда нижегород-

Да. Обыкновенная керосиновая лампа.

Семи или десятилинейная — безразлично. Лампа — это единственный и верный друг советского обывателя, предмет нежнейшей заботы его драгоценной половины.

Вот вы говорите электричество, культура и прочие атрибуты достижения человеческой мысли. А я говорю — лампа. Ибо только она обеспечивала нам подряд много лет час-другого уютного отдыха, такого необходимого в нашей подсоветской безрадостной жизни.

Как и во всех порядочных государствах, когда хмель бесплатности и свободного распределения купеческих и прочих запасов окончился печальным фактом полного отсутствия всяких товаров вообще — Ленин стал в позу и глубокомысленно изрек: «Учитесь торговать».

Кто его, покойника, знает, что он, собственно, хотел сказать и какую мысль выразить, но эффект получился потрясающий.

Прежде всего, забегали и засуети-

лись юркие еврейчики — помилуйте, торговать, а? Вы слышали, Самуил Абрамович? Ведь сам Ленин сказал. Торговать. Учитесь. Таки это же гешефт. Мы же торговать будем. По-советски — культурно и с полным знанием ассортимента и покупателя!

Мужик, тот задумчиво почесал затылок, но торговать воздержался. «Торговать, оно, конечно, неплохо, были бы товары. А вот насчет обучения, это нам ни к чему. Пожалуй, обучат — из порток вытряхнут».

Но, во всяком случае, правдами и неправдами; посулами и небывлицами, но советская торговля, совсем, было, на ладан дышавшая, отдышалась-таки и срочно обученные кадры принялись торговать.

Вот в это-то время и пришла к нам с женою блестящая идея заменить коптящую мизокалку настоящей керосиновой лампой. Десятилинейной.

С горелкой. С фитилем-ленточкой. С чудным прозрачным стеклом.

Вот я уж вижу на вашем лице, читатель, эту самую снисходительную улыбку. Чего, дескать, чудак размазывает. Ну лампа — и лампа; чего уж ее на части раскладывать? И эту самую чувствительность и поэзию разводить — ... со стеклом, с прозрачными.

А вы, вы, дорогой читатель, вы пробовали восемь лет подряд прожить в глухой советской деревне с двумя малышками, с нервной, вконец задержанной жизнью женой? Да за сорок шесть километров от ближайшего города. Подчеркиваю — без лампы. Без света. Длинными осенними вечерами, когда уже в четыре часа читать никак нельзя, когда только к десяти утра расходится исконный туман и вы начинаете отчетливо

различать предметы вашей обстановки:

Не пробовали? Так не улыбайтесь.

Ох, и хороша же была лампа. Новенькая, блестящая, настоящая керосиновая с чудесным светом, сразу разогнавшим черные тени нашей комнаты и нашего настроения.

И теперь, когда она осветила жизнь, я расскажу коротенько о том, как училась торговать советская власть и что из этого вышло.

Лампу приобретала жена. По частям, по кусочкам. По ее, так сказать, составным элементам. Именно так, как я и говорил. Сначала резервуар — чудесный резервуар; без дырочек, без помятости, блестящий, как новенький пятиалтынный. И вот уже этот жестяной пузырек, так весело пускавший зайчиков в редкие солнечные дни, уже он скрасил нашу деревенскую жизнь.

Так сладко было думать, что когда-то в нем будет керосин — та таинственная жидкость, которая даст нам возможность волшебю удлинить короткие осенние дни и коротать длинные зимние ночи.

Опять на вдумчивом вашем лице вижу я, дорогой читатель, мину легкого неудовольствия и недоумения. Почему резервуар? Почему не купить было сразу всю лампу? Не зажечь ее в тот же вечер и не читать с нею хоть всю ночь напролет?

А вы разве не пробовали покупать лампы у советской власти, которая училась торговать?

Не пробовали? Сразу видно. И не пробуйте. Совсем неинтересно и не всяким нервам доступно.

Говоря коротко, резервуар жена купила в сентябре, четыре стекла сразу (на запас) — в начале октября. Как раз начался четвертый квартал года и нам очень повезло со стеклами.

Горелку мы получили в половине ноября, а фитиль к Рождеству. И всегда было так, что, если один из элементов лампы в магазине был, другого, третьего и четвертого не было.

Что, если об Рождестве мужики брали фитиль на вожжи, а бабы распускали его на нитки, то уже в январе на сто километров кругом фитиля достать было нельзя.

И ничего не поделаешь. Учились торговать.

И нас, дураков, учили.

Учили не верить плешивому краснобаю, утверждавшему, что при социализме уборные будут из червонного золота, а вареные галушки научатся сами в рот прыгать, предварительно обмакнувшись в густую сметану.

И ведь выучили!

А. Тихомиров

ДЕТСКАЯ ПОЧТА

Дорогие дети

Начиная с сегодняшнего дня, «Детская Почта» будет опять выходить два раза в неделю. Так что теперь мы можем чаще беседовать с вами.

Сегодня я хочу вам рассказать сказку про важную утку, которая так загордилась, что не хотела ни с кем знаться и как она за это была наказана.

УТКА

Сказка Теффи

Старая утка задумала справлять свои именины.

Звали утку мадам Кряк, и она очень этим гордилась.

— Это самая звучная фамилия, — хвасталась она. — В целом птичьем дворе не найдете вы ничего подобного.

Так как имя Кряк ни в одном календаре не помечено, то старая утка могла праздновать свои именины, когда ей вздумается, а в этом, конечно, есть свое удобство.

На этот раз дело обстояло очень просто: на дворе за кухней, у самой помойной ямы нашла она дождевого червяка, такого большого и жирного, что у нее от удовольствия и гордости даже голова закружилась.

— Нужно, чтобы все соседи знали, какое у меня бывает угощение.

И она тотчас же придумала отпраздновать свои именины.

Оставалось только составить список приглашенных, а это было довольно трудно, потому что мадам Кряк была о себе очень высокого

мнения и с разной птичьей мелюзгой знакомства не водила.

Куры тоже ей не нравились. Они были такие старомодные, разговаривать могли только про цыплят и совсем не умели грациозно переваливаться с боку на бок. Для утки высокого происхождения это совсем неподходящее общество.

Можно было бы пригласить двух индюшек, очень жирных и благовоспитанных, которых кухарка откармливала грецкими орехами, но они за последнее время так заважничали, что могли говорить только про собственное сало, а за другими никаких достоинств не признавали.

На птичьем дворе все над этими индюшками насмеялись, так что водить с ними знакомство не было очень интересно.

Весь день думала мадам Кряк, кого ей пригласить, и к вечеру у нее от мыслей разболелась голова. Она обернула себе нос капустным листом, чтобы освежиться и к утру решила позвать одну гостью, но зато очень важную. Гостя эта была сама хозяйская лошадь, которая каждый день привозила на двор целую бочку воды. Весь птичник уважал лошадь, и завести с ней знакомство было бы очень почетно.

Утка спустилась к речке, нырнула три раза, чтобы навести на себя светский лоск, и пошла в конюшню приглашать лошадь на именины.

— Буду держать себя очень просто, — думала она. — Прямо приду и скажу: так и так, милая моя, это, по моему очень глупо, что, вот, мы с вами близкие соседи, а до сих пор как следует не познакомились. Прямо так и скажу.

В конюшне было полутемно, но утка смело перевалилась через высокий порог и подошла к стойлу.

Она раньше никогда не видала лошади так близко, и теперь та показала ей такой огромной и так гордо жевала и фыркала, что мадам Кряк сразу растерялась и позабыла приготовленную фразу.

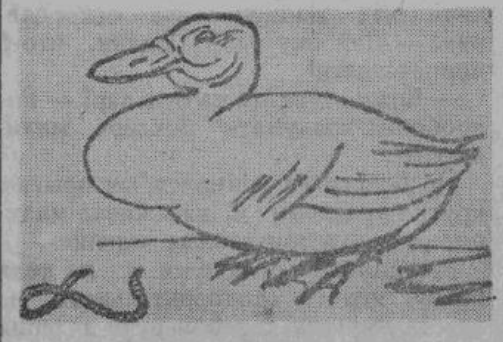
— Как тут быть, — думала она. Лошадь такая громадная, что я прямо не знаю, что с какого конца начать ее приглашать. Думаю, однако, что почитательнее будет с хвоста.

Она подошла к задним ногам лошади и робко закричала:

— Ваше превосходительство! Окажете мне честь откусать моего именнинного червяка.

Но лошадь жевала и фыркала и, казалось, совсем не замечала, что делается у ее задних ног.

Тогда мадам Кряк подвинулась поближе и закричала еще почитательнее: — Ваше превосходительство! Не откажите...

Но тут случилось нечто ужасное. Лошадь вдруг переступила с ноги на ногу и нечаянно придавила утке лапу.

Никогда еще на птичьем дворе не слышали такого страшного крикянья, какое издавала мадам Кряк, скача через весь двор на одной лапе к себе домой.

Весь птичник переполошился.

— Крр-я-кк! рррр! рррр! Маленькая серая курочка, простая и добрая душа, выжала, когда все поуспокоилось, и просунула клюв в уткин домик.

— Не нужно ли вам чего, мадам Кряк. У меня за вас сердце болит.

— Кряк-рряк! Заверните мне лапу капустным листом и не трещите всякий вздор про ваше сердце, это никому неинтересно, — ответила утка.

Курочка старательно завернула уткину лапу, села около нее и от доброго сердца заплакала.

— Пожалуйста не плачьте, если хотите здесь оставаться, — остановила ее утка. — Мы с лошадью терпеть не можем, когда плачут? К тому же вы еще, пожалуй, закапаете слезами мою мебель.

Мебелью мадам Кряк называла свою соломенную подстилку.

Курочка совсем перепугалась и захлопала глазами. Утке ее страх понравился, и она стала рассказывать про свою беду.

— Я пошла в гости к хозяйской лошади; это, надо вам заметить, моя институтская подруга и любит меня ужасно. Я ее пригласила к себе, так как у меня на завтра приготовлен именнинный червяк, а она от радости так крепко пожала мне лапу, что вот я совсем расхворалась. Ох, кряк, кряк, как я страдаю!

Испуганная курочка побежала в свой курятник и рассказала каждой курице по секрету и под честным словом все, что узнала об уткиной дружбе с лошадью.

Утром кухарка заглянула в домик мадам Кряк и громко закричала:

— Ах, какая жалость! Утка-то наша сдохла. Вот-то досада! Такая была замечательная, большая да жирная!

Ужасная весть облетела весь птичий двор.

— Вы слышали. Вы слышали, — закудахтали куры. — Умерла мадам Кряк, и сама кухарка в надгробной речи сказала, что это было существо замечательное.

А серенькая курочка с добрым сердцем вздохнула, вытерла глаза лепестком ромашки и прошептала:

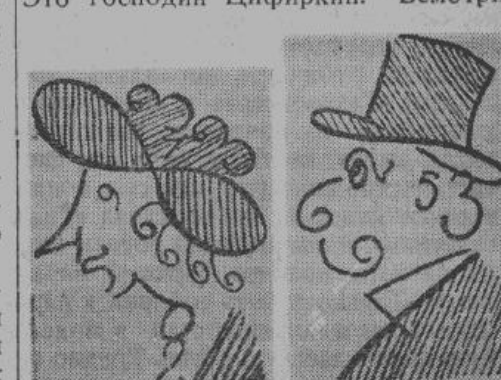
— Белая, бедная лошадь! Что будет с ней, когда она обо всем узнает.

Я боюсь, что этого удара она не перенесет.

И она снова вытерла глаза лепестком ромашки.

Господа Цифиркины

А теперь возьмите карандаш и листок бумаги и попробуйте составить из цифр человеческое лицо. Раньше всего срисуйте портрет господина, который нарисован на этой странице. Это господин Цифиркин. Всмотритесь в него хорошенько: его шляпа составлена из единицы, семерки и восьмерки; его глаза из двойки и нуля; его нос, усы и подбородок — из шестерки и девятки. Его ухо — пятерка. Его затылок — тройка. Его воротник — четверка.

Посмотрите на него издали — живой человек! Цифр не видно, а виден важный, надутый усач.

А вот его жена — госпожа Цифиркина. Какие у нее локоны! Какой красивый нос! И все это составлено из цифр.

Сына Цифиркиных мы здесь не рисуем. Попробуйте нарисовать его сами.

Помните, что, по правилам игры, нужно использовать для этого портрета все цифры, не пропустив ни одной: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 0.

Жду ваших писем.

ВАША

тетя Маня

Национальный праздник горцев

Народы Кавказа в борьбе с большевизмом

На днях народы Северного Кавказа торжественно отпраздновали свой традиционный национальный праздник свободы.

Двадцать пять лет тому назад великая борьба горцев за свободу увенчалась, наконец, успехом; мечты и чаяния горцев осуществились. Появились новые мечты, новое стремление, с новой силой забурлила неиссякаемая энергия горцев, устремившись на создание подлинного народного счастья. Однако, этой мечте горцев не суждено было сбыться. Большевики, захватив Россию, вырвали свободу и у северокавказцев. Но горцы не склонились перед победителями, не смирились с судьбой побежден-

ных, а снова начали борьбу за подлинную свободу.

При большевизме горцы свой национальный праздник проводили тайно, собираясь в ущельях, на отдаленных/высокогорных пастбищах, в уединенных аулах, за бурными горными речками, в непроходимых для постороннего горных лесах, скрываясь от сталинских опричников. Но всегда и везде праздник неизбежно заканчивался, ставшей обычаем, клятвой верности борьбе за свободу своего народа.

Открыто и гордо, торжественно и радостно, с шумным весельем праздновался этот праздник в родных аулах и городах, когда Северный Кав-

каз был освобожден от большевизма.

В этом году горцы отмечали свой праздник на чужбине, вдали от родных гор и аулов. Но горцы праздновали его везде: в добровольческих легионах, в промежутках между героическими, отбиваемыми яростными атаками англо-американцев в Нормандии; на полях сражений в Северной Италии; в лихих кавалерийских сотнях, громящих коммунистические банды на Балканах; в боевых подразделениях кавказцев на восточном фронте; в трудовых коллективах горцев, работающих на предприятиях германской промышленности и в Национальном Комитете Северного Кавказа в Берлине, куда съехались на праздник лучшие представители многонациональных народов Кавказа.

И везде: на фронте и в тылу, в бункерах и на предприятиях праздник носил характер обычая, характер клятвы в непримиримости борьбы с большевизмом, клятвы умереть или освободить родные горы Кавказа. Как бы тяжело горцам ни было, как бы ни угрожала им опасность, они никогда не унывали и не вешали голов. Врожденная жизнерадостность, всегда бывшая их отличительной чертой, сохранилась и сегодня. Праздник всюду закончился традиционными национальными плясками, играми, весельем. Велика бодрость духа горцев, велика и непреклонна их воля к победе. И тем радостнее будут будущие их национальные праздники в родных аулах, навсегда освобожденного от большевизма, Кавказа.

В. Карев

Лихие пляски в день Национального праздника у грузинских легионеров.

Кавказский доброволец — легионер.

Первые художники-корреспонденты

До народной войны картины биты почти без исключения писались по представлению. В октябре 1813 года лейпцигский художник Христиан Готлиб Гейслер принимал непосредственное участие в битве, чтобы изобразить войну, как она есть. Его сохранившиеся и доныне рисунки, эскизы и картины свидетельствуют о том, что он присутствовал в самых напряженных местах борьбы. Современники рассказывают, как он, обложенный матрацами, стоял у окопного огня на крыше одного дома возле

Рамштадтских ворот. Он неподвижно стоял под дождем пуль и осколков черепицы и твердой рукой рисовал напряженнейший момент борьбы до полного падения французов. Он стремился создать картины непосредственно вслед за тем, как произошли отраженные в них события. Его картины действительно появились несколькими неделями позже. Гейслер сам делал гравюры, и они были размножены лейпцигским издательством.

Великая освободительная война интересовала весь мир. Гейслер выступил перед зрителем с выставкой, которую можно сравнить с нынешней кинохроникой. В центре выставки он поставил панораму последнего акта народной битвы. Это была колоссальная картина — восемь с половиной доктей длины и три доктя ширины. Как свидетельствуют современники, наплыв зрителей на эту первую выставку картин военного обозрения был очень велик. Гравюры Гейслера имели такой успех даже за границей, что ему пришлось привлечь к своей работе помощников, работавших по его наброскам.

Гибкое стекло

В области производства стекла, как и в других технических областях, в последнее время достигнуты большие успехи. Прежде производство стекла базировалось на силикатах, различных соединениях кремнезема. С изобретением так называемого «органического стекла», наступил перелом в производстве этого важного продукта. Исключительное преимущество органического стекла, известного теперь под названием флексогласа, по сравнению со стеклом из силикатов, состоит в том, что плоским листам флексогласа в теплом состоянии можно придавать любую форму. Эта особенность, в соединении с незначительным весом, делает флексоглас особенно ценным материалом в авиационной промышленности: это идеальный материал для постройки куполов, изготовления покрышек, сплошь стеклянных камер, кабин и других предметов и сооружений, которые хотят сделать прозрачными.

Между 90° и 120° С. в зависимости от сорта, этот материал приводится в чрезвычайно эластичное состояние, в такой степени соответствующее свойствам резины, что становится скорее каучуком, чем стеклом. Флексоглас после охлаждения сохраняет ту форму, которая ему была придана при определенной повышенной температуре.

Интересно заметить, что эластичность флексогласа не возрастает до бесконечности с повышением температуры. При 110° она достигает предела. При наиболее благоприятной для изменения формы температуре возможно растяжение до 264%. При толщине листа флексогласа около 2 миллиметров, способность изменения формы снова становится незначительной.

Н. Т.

УРОК БОКСА

Сценка с натуры

В Ялту прибыл с иностранцами туристами английский пароход.

Заходы иностранных судов в Ялтинскую гавань являлись редкостью. Но советская публика не толпилась на набережной по той простой причине, что задолго до прибытия «англичанина» весь Приморский бульвар оцепила армия милиционеров в начищенных сапогах, в белых кителях и шлемах, с белыми же перчатками на руках. Между милиционерами шныряли энкаведистские шпики, следившие за тем, чтобы ни один подсоветский гражданин не проскользнул на уступленную иностранцам улицу. Вопреки обыденности, все магазины Приморского бульвара начинились невиданными для граждан советского Союза товарами. В «Главпушнине» появились: чернубурная лисица, белый и голубой песец, горностай, хорек, белка, скунс; «Главювелир» сверкал золотом, серебром, бриллиантами, изумрудами, рубинами, кораллами, хрусталем; «Главконсерв» и «Гастроном» выбросили на прилавки магазинов: сыры, масла, колбасы, окорока, фантастические консервы, фрукты, кондитерские изделия; не подкачал «Главтекстиль», предлагавший гостям шелка, батисты, полотна, бархаты, маркизеты; «Главкожсбыт» собрался наряжать ноги и ножки гостей в модельную первоклассную обувь. Трудно перечислить все. Эльдorado, да и только, а отнюдь не харкающая туберкулезной кровью Ялта. Обыденный, будничныи сброд, с его нуждами, керосиновыми и хлебными очередями, отодвинулся на второстепенные улицы, куда доступа для иностранцев не было. Весь блеск и шик, которым советские власти встречали прибывших англичан, распродался по баснословно дешевым ценам. Туристы разместились в гостинице «Интурист» со специально обработанным и подготовленным штатом лакеев, поваров, парикмахеров, маникюрщиц.

После того, когда судно разгрузилось, на площадь морского вокзала вышла группа английских матросов, человек в пятнадцать. Матросы позевали по сторонам, оглядели живописный вид города, прелестную панораму гор, опущенных крымской сосной. То ли это для их взоров, видевших по свету разные диковины, не являясь диковинным, то ли, по склонности всех моряков, очувствившихся на берегу, их прельщала перспектива найти подходящие притончики, где можно побаловаться крепким ромом, шумным медяшопед-

вождением в компании соответствующих этому делу девочек, а возможно, что «себе на уме», не доверяясь особенно сверкающему бульвару, они вздумали воочию вбелиться в «счастливейшей и светозарнейшей жизни коммунистической страны», но группа, переговорив, двинулась в сторону крошечного рыбацкого поселка. У сворота с Приморского бульвара на тропинку в рыбацкий поселок стоял представительнейший, атлетического телосложения, хохол-милиционер. Он преградил матросам путь и, сделав египетский жест в сторону бульвара, сказал:

— Так што туды пожалуйте! Матросы загадели и, возмущенно жестикулируя, доказывали, что они вправе итти куда хотят и что не дело русского полицмена совать свой нос куда не следует. Они повторили свою попытку пройти в поселок. Милиционер снова преградил им путь.

— Кажу: туды пожалуйте, и пожалуйте!

Шумное возмущение английских матросов привлекло внимание работавших в порту грузчиков и кое-кого из рыбаков. Бронзово-загорелые, подубнаженные, они подошли и на почтительном расстоянии останавливались около группы споривших и молча наблюдали за инцидентом. Англичане настойчивее двинулись по тропинке. Милиционер оттолкнул передовых и в третий раз сказал:

— Я ж вам говорю: на бульвар гуляйте!

Матросы раскричались. — Ишь ты как лопочут, — пропиетым басом заметил один грузчик, — ни хрена не разобрать.

— Так известно ж — англичанка, — сказал второй.

— А с чего это у них?

— Да хочуть видно в поселок пропереть, а мильтон нешто пропустит? Сдохнет — не пропустит!

— Известно, не пропустит. Нешто можно им наши лацуги показывать? Около милиционера разгорелась буря возмущения. Один из английских моряков решил взять на себя миссию: проучить дерзкого «полицмена». Он сбросил с себя куртку и бескозырку с помпоном и стал засучивать рукава блузы.

— На боксу хотит пройтись. Это у них принято, — догадался один из рыбаков.

Толпа любопытных росла.

— Ребята, подходи! Бокс зачинается! — аазвенели мальчишеские голоса.

Милиционер непонимающими глазами смотрел на приготовления матроса. Остальные англичане создали обширный ринг. Один вынул часы и приготовился быть судьей. Боксер, крутя кулаками, показал милиционеру, что ему тоже разрешается сбросить шлем и китель, чтобы чувствовать себя свободнее. Не дождавшись подготовки милиционера, матрос во-

робными скачками, боком начал наскакивать на блюстителя советского порядка и награждать последнего ударами сухого кулака в грудь, в живот. Милиционер стоял истуканом, не зная что ему предпринять.

— Чего стоишь? — кричали русские милиционеру, забыв первоначальную причину раздора и видя в инциденте национальное оскорбление. — Дай ему раз! Садани, что-б припечатался!

— Кажу ступайте на бульвар! — попробовал вразумить боксера милиционер.

Но боксер не унимался, он прыгал, крутил кулаками и насаживал милиционеру чувствительные «краше».

Милиционер огляделся и, не видя вокруг никого подозрительного из власти имущих, с левой руки залепил матросу такую оплеуху, от которой боксер грохнулся навзничь на дорожку. Рев восторга зрителей и возмущения англичан слился в сплошную какофонию. Судья отсчитывал по часам законные десять секунд для признания победы. На пятой или шестой секунде свергнутой зашевелился и поднялся. Теперь сильнее ревели англичане.

— Гляди, как обрадовались! — реюмировал борогатый грузчик. — Вроде, мол, наша берет.

Боксера подняли, проделали над ним ряд вспомогательных манипуля-

ций массажа и искусственного дыхания. Спустя две-три минуты, пострадавший снова вертелся вокруг милиционера, крутя кулаками и азартнее первого тайма насавывая хохлу колкие удары.

— Да чего ты смотришь? Никого нет из ваших сволочей! — сочувствовали болельщики. — Дай ему похолодачки!

— Эх, меня б допустили, — сожалел покуривавший козью ножку грузчик. — Враз бы успокоил.

— Погоди, и мильтон даст. Чего ты, дядя, смотришь? Это не нашего брата в кутузку таскать? Там вы, сволочи, посмелее. Дай англичанке!

Милиционер не выдержал. Он развернулся правой рукой и отвесил матросу такую «блямбу», от которой матрос отлетел шагов на пять и растянулся на земле.

Судья отсчитал время. Сраженный не поднялся. Был объявлен нокаут. Англичане подхватили своего товарища и как сноп поволокли его в безжизненном состоянии на пароход.

А по Приморскому бульвару с недоумленным саркастическим смехом из магазина в магазин шатались нарядные туристы, удивляясь дешевизне, обилию товаров, скупая большими партиями все, что ни попадалось на глаза.

Анатолий Филиппов.

Веселые спортивные игры в часы досуга кавказских легионеров. (К статье «Национальный праздник горцев».)